

— Ну и что с того? — холодно бросил Вэнь Жунь, сохраняя весь авторитет земского чиновника.
— Если вы не дадите мне перенести могилы, я просто схожу в уездную администрацию. Как вам идея отправить все поставки зерна и фуража из Вэньцзячжуаня прямо в Шаньнаньский лагерь? Кстати, мой сводный брат Ван Цзюнь как раз там служит!

— Ты!.. — старейшина тут же покраснел от ярости.

— Ты просто воспользуешься чужой бедой! — возмутился глава рода Вэнь. Он, хоть и не добился учёной степени, но всё же был грамотным человеком и знал кое-какие классические выражения.

— Да, именно так — воспользуюсь чужой бедой, — Вэнь Жунь поднял подбородок и вызывающе бросил: — Что вы мне сделаете?

— Уездный начальник не станет слушать тебя во всём... — дрожащим голосом упрямо пробормотал второй старейшина.

— Так проверьте! — фыркнул Вэнь Жунь. — Всё равно я — земский чиновник. Никакие повинности и сборы до меня не дойдут.

Это была чистая правда. Если бы Вэнь Жунь сам не захотел участвовать в делах деревни, его, как носителя учёной степени, никто не имел права принуждать к каким-либо обязанностям.

А уж тем более сейчас, когда он формально «вступил в брак» и семья Ванов уже предоставила одного солдата — Ван Цзюня.

У него ещё два младших брата, но они слишком малы — их даже в армию не возьмут.

В любые времена, даже при смене династий, никто никогда не призывал земских чиновников в армию!

— Я... — старейшина всё ещё пытался упрямитесь, но его тут же потянули за рукав стоявшие позади:

— Седьмой дядюшка, не гневайтесь! Это ведь не шутки — если вдруг так и случится, нашему Вэньцзячжуаню конец!

— Да, дядюшка, не говорите лишнего!

Несколько стариков хотели прибегнуть к своему возрасту и авторитету, но главы ветвей и «говорящие головы» семей были категорически против. Ведь речь шла о судьбе всей деревни! Кто вообще захочет отправляться в военный лагерь? Это же задание «туда — без обратно»! От

одной мысли об этом волосы дыбом вставали!

Последние дни в деревне и так не было покоя. Все до смерти устали от тревог — и тут ещё подкидывают масла в огонь?

— Ладно, можешь перенести могилы, — сказал наконец глава рода Вэнь, доказав, что достоин своего положения: увидев, что сопротивление бесполезно, он сразу перешёл к переговорам. — Но у нас есть условие!

— Условие? — Вэнь Жунь чуть не рассмеялся от возмущения. — Моё условие одно: я переношу могилы, вы — соглашаетесь. И всё! Не мечтайте о деньгах или выгодах — этого не будет!

— Нам не нужны деньги, — сказал глава рода. — Мы, помня, что ты всё же носишь кровь рода Вэнь, разрешаем тебе перенести могилы. Но взамен Вэньцзячжуань не должен поставлять провиант в Шаньнаньский лагерь. Ты ведь дружишь с уездным начальником? Сможешь уладить это?

— Нет! — Вэнь Жунь тут же отрезал. — Либо вы позволяете мне перенести могилы — и мы расстаёмся мирно, каждый живёт своей жизнью. Либо не позволяете — и ваш Вэньцзячжуань отправит провиант в Шаньнаньский лагерь!

Позиция Вэнь Жуня была твёрдой и решительной — он не собирался давать Вэньцзячжуаню ни малейшей выгоды.

— Тогда с какой стати мы должны позволить тебе переносить могилы?

— Да, ведь ты нарушишь фэн-шуй родового кладбища!

— Вэнь Жунь, ты правда не хочешь даже подумать? — На самом деле глава рода пытался выжать из Вэнь Жуня последнюю возможную выгоду.

Но он не ожидал, что тот окажется таким бесцеремонным и сразу откажет.

— Я уже сказал: разрешите — расстанемся по-хорошему; не разрешите — я заставлю Вэньцзячжуань отправить туда побольше молодых парней. Пусть они спустятся вниз и составят компанию моим родителям и прародителям — считайте, что это будет их вклад в почтение предков! — Вэнь Жунь произнёс это ледяным, безжизненным тоном.

Ведь все прекрасно знали: кто уходит в армию — может и не вернуться.

Род Вэнь веками жил и размножался здесь, и в народе ходило много преданий от предков. Говорили, что старики всегда избегали посылать односельчан в армию или на военные

поставки — боялись, что те не вернуться.

А Вэньцзячжуань и так уже порядком пострадал: появился какой-то мерзавец-главарь с шайкой головорезов, в деревне развелась шпана и бандиты.

Теперь ещё и зерно отбирают — в самый неурожайный период!

Неужели теперь ещё и последних работников из домов выгонят?

Да разве можно так жить?!

— Решайте сами, — Вэнь Жунь больше не стал тратить на них слова и скомандовал своим людям: — Начинайте!

Тем временем ученики даоса Цинфэна уже приступили к работе.

Сначала они установили деревянный каркас и повесили вокруг белые траурные полотнища, затем начали раскапывать могилы.

Надгробия тоже нужно было забрать, но Вэнь Жунь отказался — деревянные надгробия давно сгнили.

Дома уже были готовы новые каменные стелы из яншаньского камня, с надписями, вырезанными по его собственному почерку.

Пока Вэнь Жунь начал действовать, род Вэнь собрался в кучку и лихорадочно зашептался...

Но даже когда Вэнь Жунь сам спустился в яму, выбросил сгнившие обломки гроба и начал собирать кости предков, они так и не пришли ни к какому решению.

А вот у Вэнь Жуня всё шло гладко: к полудню перезахоронение было завершено.

Вся процессия, прибывшая с шумом и гамом, так же шумно и ушла. На двух повозках везли новые гробы.

Впереди шедшие начали разбрасывать бумажные деньги для умерших, сзади подняли траурные знамёна и плачущие жезлы.

Вэнь Жунь шёл впереди всех, держа в руках два табличных духовых места: одно — для родителей, другое — для прародителей.

Это были деревянные таблички с именами. Вэнь Жунь бережно поставил их в свою карету, и как только все покинули родовое кладбище Вэнь, вся процессия села в повозки и двинулась в обратный путь.

Это ведь срочное дело — чем скорее вернутся домой, тем лучше. К тому же им предстояло ночевать в пути: ведь они везли гробы с останками!

Лишь благодаря авторитету Вэнь Жуня столько людей вообще согласились помочь.

Вэнь Жунь ушёл решительно и без сожалений. Он даже не подумал заглянуть в Вэньцзячжуань — ни из ностальгии, ни из любопытства.

— Они ушли? — с досадой спросил староста Вэнь.

— А что ещё им тут делать? — разъярился глава рода, так что на шее вздулась жила. — Быстрее зовите людей, чтобы засыпали эти ямы! Разве можно так оставлять?!

Взгляд на эти два проклятых котлована вызывал только злость.

Внутри ещё валялись гнилые щепки от развалившегося гроба — от такой картины становилось ещё более нечисто и зловеще!

— Эх... — вздохнул староста Вэнь и начал собирать людей на работу.

К счастью, приходя сюда, многие взяли с собой лопаты и кирки — на случай, если придётся драться. Теперь оружие не понадобилось, зато пригодилось для засыпки ям.

Два старейшины тем временем сидели на земле рядом и тяжело вздыхали:

— Что теперь делать?

— Эх, если бы тогда... — один лишь вздох.

Глава рода и староста присоединились к ним — четверо мужчин сидели и горько размышляли о бедах.

Вскоре подошли Вэнь Юань и Вэнь Лан. Они сначала прибрались дома, а потом уже отправились сюда.

Собирались «поговорить по-хорошему» с Вэнь Жунем, но пришли — а его уже нет!

Правда, нельзя их винить: они действительно ходили в академию, но там царила напряжённая атмосфера. Им всё время казалось, что на них тычут пальцами, и они, сославшись на весенние посевы, поспешили вернуться домой.

Только услышав рассказы домашних, они узнали, что новый уездный начальник уже разжёт свои «три первых огня»:

Первый огонь — уничтожил род Ли.

Второй огонь — собрал огромные запасы зерна.

Третий огонь — приказал отправлять это зерно и вместе с ним — молодых мужчин.

Устрашение. Сбор продовольствия. Призыв рабочих.

Как гладко всё прошло — три шага, и дело в шляпе!

Беднягам Вэнь Юаню и Вэнь Лану было особенно не по себе: они ведь ещё не стали суйцаями, а значит, попадали в категорию «молодых и крепких». А вдруг их выберут для сопровождения обоза с провиантом?.. Тогда уж точно плакать придётся в три ручья — и некому будет помочь.

Поэтому им пришлось всё же прийти.

Но ведь у них тоже было чувство собственного достоинства!

Дома они всегда жили в отдельных комнатах и вставали поздно — пока солнце не взойдёт, они и не думали покидать постель. А уж после подъёма начиналась целая церемония: умыться, одеться, привести в порядок причёску и одежду... Только через полдня, когда всё наконец казалось им безупречным, они двинулись к родовому кладбищу.

Но к тому времени, как эти двое «величественно опоздали», Вэнь Жунь уже вышел за пределы Вэньцзяжуаня!

Те, кто успешно завершил перезахоронение, были в прекрасном настроении, а Вэнь Жунь — в ещё лучшем. Хотя он и держал в руках два табличных духовых места, страха он не испытывал ни капли.

В конце концов, он тоже носил фамилию Вэнь — пятьсот лет назад, глядишь, все они и вправду были одной семьёй.

Путь они проделали в спешке: ночью дали передохнуть лишь скоту, а люди почти не спали.

На следующий день спешили ещё сильнее — нужно было успеть к полудню добраться до кладбища в Ляньхуаао.

И действительно, прибыли чуть раньше полудня.

Даос Цинфэн тут же приступил к делу: ямы уже были выкопаны, вокруг натянули траурные пологи. Даос провёл весь необходимый ритуал, Вэнь Жунь сжёг много бумажных денег и благовоний. В завершение даос Цинфэн бросил в каждую яму горсть семян редьки и пригоршню медяков, а под гроб прародителей подложил несколько красных бумажных свёртков. После этого гробы опустили в землю, засыпали, и над ними возвели насыпи.

Вэнь Жунь не стал нарушать установленных норм: его могилы не превышали дозволенного. Однако основание он обложил синим кирпичом до высоты колена, а уже сверху насыпал землю, которую увенчал жёлтой ритуальной бумагой.

На надгробиях значилось:

На одном — «Непочтительный сын Вэнь Жунь, в слезах поставил».

На другом — «Непочтительный внук Вэнь Жунь, с почтением поставил».

Когда всё было закончено, все — включая самого Вэнь Жуня — облились потом от усталости!

При раскопке могил всё было проще: они пришли лишь за останками и сразу уехали, не оставляя после себя ничего.

Но вот при захоронении всё обстояло иначе — тут требовалась особая тщательность. Вэнь Жунь кланялся, плакал, много раз жёг благовония и бумажные деньги — на одежде у него осел целый слой пепла.

Однако на этом дело не кончилось. Убедившись, что всё завершено и полдень вот-вот минует, Вэнь Жунь сказал:

— Все вы очень потрудились. Прошу вас зайти ко мне домой на скромную трапезу.

Отказаться было нельзя — ведь это «белое дело» (похороны). На «красные дела» (свадьбы) можно иногда не прийти, сославшись на занятость, и послать красный конверт с деньгами. Но на «белые дела» обязательно нужно явиться лично — передать деньги через посредника здесь не принято.

Конечно же, все пошли за Вэнь Жунем в дом старого Вана.

Хотя никто не переодевался, но по прибытии все тщательно вымыли руки. Столы и стулья уже ждали гостей — как только все уселись, сразу начали подавать блюда.

Действительно, был устроен «пир четырёх белых», с белым рисом в качестве основного блюда.

Хотя это и траурный обед, тётушка Цуйхуа не пожалела масла — блюда получились сочными и сытными.

Когда все наелись и напились, Вэнь Жунь вручил каждому по красному конверту:

— Большое спасибо всем за помощь!

На «белом деле» такие конверты — обычай. Отказаться от них считалось бы дурным тоном.

— Вы слишком любезны!

— Да что вы, мы же почти ничего не сделали!

Многие вежливо отказывались.

— Да и вы же помогли нам сдать зерно...

Вэнь Жунь улыбнулся:

— Это не из вежливости. Вы сопровождали меня четыре-пять дней, дважды ночевали под открытым небом, питались всухомятку. Пусть даже не тысячи ли, но путь был неблизкий! А ещё вы везли гробы и останки... Хотя я временно оплатил ваше зерно, осенью вы всё равно отдадите мне по тридцать цзиней. Так что я не «оплатил за вас», а просто дал вам эти конверты, чтобы снять нечистоту и несчастье. Не церемоньтесь!

Раз он так сказал, гостям ничего не оставалось, как принять подарки.

В каждом конверте лежало по тридцать-пятьдесят медяков, нанизанных на красную нитку и завёрнутых в красную же бумагу — выглядело даже немного празднично.

Когда все разошлись, Вэнь Жунь поспешил в заднюю часть дома, быстро выкупался и переоделся. Его грязную одежду тётушка Цуйхуа сразу взяла стирать.

Только приведя себя в порядок, он наконец растянулся на кане и глубоко вздохнул с облегчением.

Перенос могил завершён — одна из главных забот снята с души.

На этот раз он умело воспользовался обстоятельствами, «воспользовался чужой бедой», прикрывшись своим статусом и связями, и в итоге сумел обвести вокруг пальца весь Вэньцзячжуань. Теперь у тех людей больше не будет повода ни ограничивать его, ни втягивать в свои дела.

Как же приятно!

Он как раз наслаждался этим чувством, как вдруг появились дети. Несколько дней они не видели Вэнь Жуня, а тут ещё и узнали, что он уезжал — терпение лопнуло, и они побежали проведать «гофу» («старшего брата-мужа»).

Раньше, когда Вэнь Жунь только вернулся и принимал пищу с ванной, их не подпускали: боялись, что на нём ещё осталась «нечистота» от похорон. Глаза у маленьких детей чистые, а янская энергия слабая — вдруг навредит?

Но теперь Вэнь Жунь полностью омылся, сменил одежду и, конечно, мог принимать гостей.

Все трое ворвались в комнату:

— Гэфу! Гэфу!

— А? А-а... — Вэнь Жунь перевернулся на другой бок и неохотно поднял голову.

Но раз пришли самые близкие, можно и не вставать.

— Гэфу, ты вернулся? — трое детей уставились на него, прижавшись к краю кана.

Следом вошёл Чэнь Сюй — он тоже волновался за господина. Вэнь Жунь выглядел неплохо.

— Да, вернулся. Одно дело завершил, — Вэнь Жунь приподнялся и погладил каждого по голове. — Давайте вместе поужинаем. А пока дайте гофу немного поспать — несколько дней в пути, очень устал и вымотался.

— Хорошо, гэфу, спи! — послушно кивнул Ван Цзюэ и потянул за руки младших брата и сестру, чтобы выйти.

Чэнь Сюй тоже молча последовал за ними — оставаться ухаживать за Вэнь Жунем он не стал.

Вэнь Жунь немного поспал, и его разбудили к ужину.

Это был второй горячий домашний приём пищи за все эти дни. В обед он почти ничего не ел — был так занят, что аппетит пропал совсем.

Теперь же он немного пришёл в себя и почувствовал голод. За собственным столом его ждали два младших брата и сестра. Ужин был простым и лёгким:

«Яньдусянь» (суп из солёного и свежего бамбука с мясом), жареное копчёное мясо, яичный суп и мягкий ароматный рис.

Вэнь Жунь подкладывал детям еду, а те радостно наливали ему суп:

— Гэфу, ешь!

— Хорошо, гэфу поест, — Вэнь Жунь склонился над тарелкой. — Всё-таки домашняя еда — самая вкусная.

Они как раз ели, когда Ван Цзюэ, дождавшись, пока Вэнь Жунь сделает глоток супа и немного передохнёт, осторожно спросил:

— Гэфу, ты ведь собираешься к старшему брату?

Вэнь Жунь удивлённо поднял голову:

— Откуда ты знаешь?

— В последние дни все об этом говорят, — ответил Ван Цзюэ. — Мы все знаем: провиант везут в три места. И одно из них — там, где служит старший брат. Правда ведь?

— Да, — Вэнь Жунь поставил миску на стол. — Я как раз хочу найти твоего старшего брата. Хоть бы узнать, где именно он несёт службу.

Ван Цзюэ слегка прикусил губу:

— А я могу поехать с тобой?

— Нет, тебе нельзя! — Вэнь Жунь покачал головой. — Ты ещё слишком мал. Когда исполнится пятнадцать — тогда и поедем вместе.